

Франциск Скорина: МОСКОВСКИЙ СЛЕД

Виктор ШИМОЛИН,
кандидат филологических
наук, доцент

Франциск Скорина вошел в историю мировой культуры как основатель восточнославянского книгопечатания, ученый-просветитель, «в науках вызволенных и лекарских доктор», писатель, переводчик, редактор, языковед. Вся его подвижническая жизнь и многогранная деятельность неразрывно связаны с могучей эпохой XVI века, осененной знаменами Возрождения и Реформации. Биография великого гуманиста остается загадкой со многими пробелами. Исследователи пытаются воссоздать отдельные этапы его жизни и творчества. Но и сегодня неизвестны точные даты его рождения, смерти, место захоронения. Немало споров ведется и вокруг его многочисленных странствий.

С воззрениями великих мыслителей Эразма Роттердамского, Томаса Мюнцера и Николая Коперника Франциск Скорина соприкоснулся в период итальянского путешествия. И в этой когорте величайших умов он занял почетное место. На формирование его эстетической позиции оказали влияние и величайшие художники Ренессанса Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Тициан, Дюрер.

Заметным событием в жизни Ф. Скорины могло быть и путешествие в Москву. Об этом факте биографии белорусского первопечатника можно узнать лишь из одного исторического источника.

Факт появления Скорины в столице Великого княжества Московского обозначен всего лишь секретной инструкцией,

датируемой 1552 годом, короля Речи Посполитой Сигизмунда II Августа, сына Сигизмунда I, посланнику в Риме Альберту Кричке: «Когда вот в годы царствования нашего Покойного отца один его подданный, руководствуясь набожным желанием, постарался святое писание русским языком напечатать и выдать, да пошел в Москву, книги его по приказу Князя публично были там сожжены потому, что принадлежал он к Римской церкви, а (книги) изданы были в местах, что подлежат ее влиянию» [1].

Других документальных или иных свидетельств приезда Скорины в Москву не существует. В то же время не известно ни единого факта публичного сожжения на Руси книг. Такие костры, бывало, поыхали в католической Европе. И толпы «восторженно гудели», взирая на огненные казни. Несмотря на полную неканоничность скорининских изданий (перевод на старобелорусский, тексты «от издателя» и пр.), никто их публично не жег. Более того, постановления церковного Стоглавого собора 1551 года, организованного по инициативе митрополита Макария, вовсе не призывали к уничтожению даже явно антихристианских книг, которых на Руси в те годы ходило немало.

Объективность изложения требует отметить противостояние двух ветвей христианства. Не в Москве, а в Кракове в 1491 году по приказу католической церковной власти сжигались литургические книги Швайпольта Фиоля, отпечатанные в его типографии церковнославянским шрифтом.

ОБ АВТОРЕ

ШИМОЛИН Виктор Иванович.

Родился в 1946 году в г. Ташкенте (Узбекистан).

Окончил Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина (1970), Минскую высшую партийную школу (1985).

С 1967 по 1996 год работал в редакциях минских газет «Вечерний Минск», «Зорька», «Спортивная панорама». В 1991–1992 годах – заместитель председателя Союза журналистов БССР. С 1997 по 1999 год – пресс-секретарь Мингорисполкома. В 1999–2004 годах – собственный корреспондент Белорусского телеграфного агентства по Минску и Минской области.

С 2005 года – доцент кафедры теории и методологии журналистики Института журналистики БГУ.

Кандидат филологических наук (2010), доцент (2010).

Автор около 60 научных работ, в том числе десяти монографий, учебного пособия.

Сфера научных интересов: история Второй мировой войны, теория, практика и проблемы отечественной журналистики и фотожурналистики.

Миф о сожжении скорининских книг родился, скорее всего, из «наивного доверия» некоторых историков к процитированному письму польского короля Сигизмунда Августа, отправленному в середине XVI века римскому папе. Обратим внимание на стиль письма, выдержанного в неприязненном тоне к Московскому государству. Да и имя Скорины в письме не названо. Зато доподлинно известно, что Максим Грек в Москве знакомился с книгами Скорины. Поэтому нельзя категорично утверждать или отрицать, что Скорина посещал Москву: обе версии имеют право на бытие.

Известный исследователь жизни и деятельности Ивана Федорова Е.Л. Немировский отрицает пребывание в Москве белоруса-первопечатника, не соглашаясь с компетентными мнениями профессора Варшавского университета И.И. Первольфа и А.В. Флоровского. Впрочем, Е.Л. Немировский лишь уклончиво замечает, что «речь идет, по всей вероятности, о поездке не самого Скорины, а его финансиста и покровителя виленского купца Богдана Онкова» [2, с. 65]. Но вспомним еще раз письмо-инструкцию короля Сигизмунда, в которой однозначно указывается печатник из Вильно: «да пошел в Москву...». А упоминать купца Богдана Онкова все уже не стоит, так как к тому времени он ушел из жизни.

Изучение архивных документов рождает больше вопросов, чем ответов. Прежде всего, неизвестны мотивы и причины, побудившие белорусского первопечатника покинуть Вильно и отправиться навстречу приключениям. Более того, доказательство этого путешествия Франциска Скорины может выглядеть совсем иначе, чем трактовалось до сих пор, да и сама его роль в становлении российского книгопечатания может выглядеть по-другому.

На наш взгляд, наиболее вероятными могут быть три версии предпринятого им странствия: дипломатическая, финансовая и гостевая. В каждой, взятой по отдельности, или во всех вместе, Франциск имел возможность «продвинуть» на Московскую Русь полиграфию, внедрить здесь книгопечатание, а следовательно, на новую высоту поднять грамотность, культуру и просвещение родственного народа.

Мог ли Скорина войти в состав посольства, которое Сигизмунд I собирался сна-

◀ Почтовая марка СССР.
1988 год

рядить в Великое княжество Московское? Эта версия представляется убедительной, учитывая стремление польского короля отодвинуть войну с Москвой на неопределенное время. И для этого представляется удобный случай: в 1533 году умирает великий князь московский Василий III. И Сигизмунд считает это прискорбное событие поводом для продления ранее заключенного перемирия.

В пользу дипломатической версии свидетельствует удивительный факт, на который исследователи не обратили особого внимания. После освобождения из познанской тюрьмы Франциск Скорина получает от имени короля Сигизмунда не одну, а две охранные грамоты (привилеи). Как объяснить такую заботу правителя? Первая – оберегала от назойливых кредиторов. А для чего понадобилась вторая?

Восстановим хронологию появления грамот.

После смерти брата Ф. Скорины купца Ивана кредиторы предъявили Франциску счет за непоплаченный кредит. Им же удается по этой причине упрятать его в познанскую тюрьму.

Известно, что «в лето господне тысяча пятьсот тридцать второе», 17 июня, познанский суд окончательно решил дело в пользу Скорины. А 21 и 25 ноября 1532 года король

Сигизмунд подписывает две привилегированные грамоты, по которым Франциск Скорина признается невиновным и получает не только свободу, но и всевозможные льготы – защиту от любых судебных преследований (кроме как по королевскому предписанию), от арестов и полную неприкосновенность имущества, освобождение от повинностей и городских служб, а также «от юрисдикции и власти всех и каждого в отдельности – воевод, каштелянов, старост и прочих сановников, врядников и всяких судей».

Король, не чураясь саморекламы, не прочь объяснить подданным мотивы гуманного поступка: «Милостиво внимая просьбам некоторых наших советников и считая достойной доверия добродетель, необычайную ученость в искусстве медицины, опытность и умение (Георгия) Франциска Скорины из Полоцка, доктора искусств и медицины, желая удостоить его особой нашей милости, мы сочли необходимым предоставить ему данные льготы и преимущества» [3, с. 159]. Еще одна причина, по которой Скорина отважился на путешествие, связана с его желанием восстановить и упрочить собственное финансовое положение, пошатнувшееся из-за судебных тяжб с кредиторами брата, ростовщиками, смерти жены, сгоревшей типографии.

Белорусский эмигрантский историк и писатель Витовт Тумаш (псевдоним – Сымон Брага) в статье «Доктар Скарына ў Маскве» утверждал: «На думку аб падарожжы ў Маскоўшчыну Скарыну маглі наводзіць найперш практычныя меркаванні – спроба знайсці шырэішыя рынкі збыту для выдазеных праваслаўных рэлігійных кнігаў... Каб за выручанья грошы праводзіць далей шырока задуманае выдавецтва, а найперш – давесці да завяршэння справу выданья ўсіх кнігаў перакладзенае ім Бібліі. Доктару Скарыне магло карціць і выясьніць магчымасьці наладжанья друкарскае справы ў самой Маскве» [4, с. 13].

Названные причины представляются двумя сторонами одной медали.

Но существует еще и третья. Многоопытный Скорина, немало поколесивший по Европе, не мог решиться на поездку в Московию без надежной поддержки. Полученный им королевский привилей вряд ли служил надежной защитой. И вот почему. Франциск, несомненно, знал о произволе

вассалов московского князя, которые вели себя порой как разбойники с большой дороги.

Подобными слухами полнилась земля русская. Наслышан был о них и Франциск Скорина, в памяти которого запечатлелись рассказы купца Богдана Онкова об ограблении вассалами князя Василия III его богатого обоза, направленного в Москву.

Поскольку с 1522 года действовало перемирие между ВКЛ и Великим княжеством Московским, то 30 марта 1527 года послу московского князя Ивану Ляцкому в Кракове власти вручили ноту протеста: «Да мешчанина виленского Богдана Онкова на (Велико)лутцкой дорозе розбили, листы у него отняли Можайских и от Шемячича; в одном листу четыреста коп широких грошей, а в другом листу пять сот коп грошей, полтора рубля денег готовых, чара серебряна позолочена, ложка, святость; и князь велики приказал дать на поруку их розбойников, Андреа да Ждана Перетрутовых детей и сына Жданова Мартына, водлуг ему умовы и отворота не учинили» [5, с. 752].

На королевский протест великий князь московский отреагировал своеобразно: льстивым письмом заманил к себе грабителей, заточил в темницу, а себе присвоил не только их имущество, но и награбленное добро. Сам же Онков остался, как говорится, у разбитого корыта, проклиная московское беззаконие в лице самого князя и его подданных.

По этой причине надежной гарантией для Франциска явилось бы приглашение от какой-либо весьма влиятельной особы. Так как великий князь Василий III отошел в мир иной, а его преемник Иван (будущий Иван IV Грозный) пребывал в малолетстве, приглашающей стороной могла выступить вторая ветвь власти – церковная. Действующий в то время московский митрополит Даниил не отличался гуманным отношением к иноверцам, пресекал любые поползновения на православную веру, да и на иноземные новшества смотрел косо. Полной противоположностью ему можно считать архиепископа новгородского Макария. Именно он по множеству причин и мог стать той фигурой, которая инициировала визит белоруса в Москву. Но Макарий в момент возможного приезда Скорины находился в своей епархии и, следовательно, имел полное

право пригласить того к себе. Тем более и случай представился: приглашенный ранее в этот город печатник-иноземец был расстрелян горожанами, а затем и утоплен.

Личность митрополита Московского и всея Руси Макария, его просветительская деятельность достойны упоминания. Жизни и трудам его посвящено немало исследований, в числе которых можно отметить работы Д.А. Урушева «Дивный святитель и пастырь», А.С. Усачева «Древнерусская книжность эпохи митрополита Макария: Книга степенная царского родословия», «Из истории древнерусской книжности времени митрополита Макария: Великие минеи четьи и Степенная книга», «Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария».

Макарий был лицом духовного сана, но принимал самое активное участие в светской жизни Руси, слыл опытным царедворцем. С самого начала служения на новгородской земле митрополит Макарий способствовал составлению нового Владычного летописного свода, уделял внимание реставрации старинных икон и храмов, в Софийском соборе по его указанию были подновлены фрески; он предпринял попытку собрать воедино все книги «в русской земле чтомые». В затейный им свод входили как жития святых, так и дидактические и богословские произведения, даже переводы иностранных книг. Поэтому не случайно исследователи деятельности митрополита отмечают его значительные усилия по организации на Руси книгопечатного дела. Для нас представляет интерес известие о том, что знакомы с Библией Скорины были и в Новгороде (Г.Н. Нелина. «Франциск из славного места Полоцка»). Скорее всего, приобретение скорининской книги не обошлось без инициативы самого митрополита.

19 марта 1542 года на митрополичий престол возведен Макарий, и тот из Новгорода переезжает в Москву. Очевидно, на новом месте и происходит его знакомство с молодым диаконом Иваном Федоровым, одержимым идеей развития книгопечатания. Поэтому вряд ли стоит сомневаться, кто стал инициатором приглашения Скорины: возможно, таким пособником в организации визита в Москву Скорины мог выступить Иван Федоров. По версии Е.Л. Немировского, Иван Федоров с «1530-х годов, по-видимому, принадлежал к окружению

митрополита Макария. Под началом Макария занял в Москве должность диакона в Кремлевском храме Николы Гостунского» (церковь Николая Чудотворца Гостунского. – *Авт.*). Вчитываясь в жизнеописания белорусского и русского первопечатников, нельзя не обратить внимания на совпадение их убеждений, взглядов, да и многих фактов их биографий.

Если допустить, что встреча Макария и Федорова произошла лишь после переезда митрополита в Москву в 1542 году, то наша версия об участии молодого диакона в приглашении Скорины отпадает. И здесь вдруг открываются новые обстоятельства. Е.Л. Немировский сообщает о более раннем наведывании Москвы митрополитом Макарием: «Храм Николы Гостунского и его служители играли заметную роль в церковных делах Московского государства середины XVI века. Очевидно, это позволяло дьякону церкви Ивану Федорову быть курсе последних событий в области внутренней политики царя и митрополита. К церкви и ее притчу был близок митрополит Макарий, который еще в 1535 году, будучи архиепископом Новгородским, дважды служил у Николы Гостунского» [6, с. 24]. Впрочем, нельзя исключить, что Макарий наведывался в Москву и в 1533, 1534 годах.

Сообщение известного исследователя истории полиграфии косвенно подтверждает нашу версию о встрече Федорова и Макария, в ходе которой тот и предложил

► Памятник Ивану Федорову в Москве

пригласить Скорину для организации типографии. Кстати, наше предположение о том, что Макарий прислушивался к мнению просвещенного дьякона Федорова, подтверждает и он сам в послесловии к своему «Апостолу» (1564). По его словам, митрополит Макарий одобрил идею создания типографии в Москве.

Русского первопечатника Ивана Федорова объединяет с Франциском Скориной не только общее занятие – книгопечатание, но и высокая цель, родство душ: поднять на более высокий уровень народное просвещение и образование. Не случайно один из исследователей творческого наследия знаменитого полочанина отметил: «Скорина – первый просветитель, указавший на народное назначение его изданий, а в них – на общественный смысл, на значение для читателя, для удобства восприятия текста, его художественно-выразительных элементов» [7, с. 123–124].

Некоторые историки высказали гипотезу: Иван Федоров, как и Франциск Скорина, выходец из белорусских земель. Впервые эту версию выдвинул В.К. Лукомский [8, с. 167–175], а также указывал Е.И. Немировский в «Очерках об истории издательской

марки». А вилейские краеведы даже предположили, что местом рождения Федорова может быть территория современного Вилейского района Минской области [9].

Волей судьбы Франциск и Иван, хотя и в разные годы, обучались в Краковском университете (академии). Скорина, а впоследствии и Федоров слушали лекции на факультете вольных искусств. Ф. Скорина окончил учебу в 1506 году, а Федоров – в 1532. Тяга к печатной книге у обоих зародилась именно здесь, на краковской земле. Скорина с печатными изданиями познакомился, видимо, в Полоцке, в который они доставлялись кушцами и путешественниками из Западной Европы. А вот Иван Федоров проникся любовью к печатной книге уже в Краковском университете, в котором большинство предметов изучалось по печатным учебникам. К тому же именно в этом древнем польском городе появились первые книги, напечатанные Швайпльтом Фиолем в 1490-е годы кириллическим шрифтом. Кстати, здесь Фиоль приобрел славу «славянского Гутенберга» и здесь же потерял все свое достоинство: его типография была разгромлена религиозными фанатиками, а он сам попал в тюрьму. Некоторые исследователи полагают, что Скорина был знаком с книгами Фиоля [10]. Из Кракова Франциск отправляется для продолжения образования в Италию, а Иван несколькими годами позже – в Московию, что подтверждает и выписка из университетской метрики к его фамилии «Johannes Theodori Moscuscus», то есть «московский».

И еще одно важное наблюдение. В Падуанском университете Франциск оказался всего лишь через десять лет после его окончания Николаем Коперником. Мироззрение польского ученого, несомненно, повлияло на формирование просветительских взглядов белоруса, определило цель жизни: сделать книгоиздательство основным средством народного просвещения. Аналогичное влияние на Федорова оказал и Франциск Скорина, ведь Краковский университет, его воспитанники не могли не гордиться успехами бывшего выпускника в медицине и книгопечатании.

До стен этого учебного заведения, весьма вероятно, доходили вести о том, что их выпускник в 1517 году основал в Праге типографию, издал на кириллице первую печатную старобелорусскую книгу «Псал-

тырь», с 1517 по 1519 год перевел и издал два десятка книг Библии, а переехав в Вильно – основал первую на территории Великого Княжества Литовского типографию, в которой увидели свет «Малая подорожная книжица» (1522) и «Апостол» (1525).

В. Тумаш устанавливает наиболее вероятные годы посещения Скориной Москвы: «Гэтак, супастаўленьне Скарынавых жыцьцяпісных фактаў з фактамі гістарычнымі прыводзіць да выснаву, што хоць магчымы час для Скарынавага падарожжа да Масквы абыймае гады 1520–1533, дык найбольш праўдападобна падарожжа гэтае адбылося ў гадох 1525–1533» [4, с. 24].

Год 1533 – переломный в истории Московского княжества. Именно в это время уходит с политической сцены великий князь Василий III, уступая место малолетнему Ивану. Следующий 1534 год для путешествия мог показаться Скорине более предпочтительным.

Сопоставление неполных данных из сохранившихся документов, а также биографий Франциска Скорина и Ивана Федорова позволяет предположить реальность их встречи и знакомства в Москве. Отметим, что в 1534 году, то есть в момент приезда в Москву, Скорине было за 40, а Федорову – 23. Достигнув периода расцвета творчества, овладев многими премудростями, Скорина к тому же снискал глубочайшее уважение европейских современников, в числе которых были и люди простого звания, и монархи.

С каким грузом отправился в дорогу белорусский первопечатник? В обозе, а это был именно обоз, могли находиться книги – как образцы печатной продукции и лучшая реклама полиграфической деятельности полочанина, а также шрифты, которые не производились в Московии, громоздкий печатный станок и его детали.

Однако Е.Л. Немировский категоричен: «Так или иначе, но поездка Онкова не может быть поставлена в какую-либо связь с началом московского книгопечатания. Делать Скорину или Онкова учредителями наших первопечатников нет никаких оснований» [5, с. 65]. Позвольте с этим утверждением не согласиться. Стереотипы прошлого живучи по сей день. Воздаявая по заслугам Федорову и Мстиславцу, мы лишь подчеркиваем значимость белорусского первопечатника, стоящего у истоков

просветительского движения в Восточной Европе. Фридрих Энгельс назвал изобретение бумаги и книгопечатания новациями, которые подорвали основы средневековья и феодализма. Виктор Гюго высоко оценил значение полиграфии: «Изобретение книгопечатания – это величайшее историческое событие... В нем зародыш всех революций...» [11, с. 187–188]. В когорте революционных преобразователей мира, наряду с Гутенбергом, Швайпольдом Фиолем, стоят Франциск Скорина, Иван Федоров и Петр Мстиславец. По мнению ряда исследователей творчества нашего земляка, оформительское художественное мастерство его творений оставило свой след на печатных работах чешских и немецких печатников...

Титанический труд Франциска Скорины, предпринятая им поездка в Москву не пропали даром, что подтверждает сам факт открытия первой русской книгопечатни в 1553 году в Москве на Никольской улице по распоряжению царя Ивана Грозного. Строительство российского «дома печати» длилось целое десятилетие. Первую русскую книгу «Апостол» нашим землякам Ивану Федорову и Петру Мстиславцу удалось отпечатать лишь в 1564 году. Современные исследователи, однако, обратили внимание на шрифт и заставки, которые они признали идентичными скорининским. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Fiedler, J. Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der roemischen Kirche im sechzehnten Jahrhunderte / J. Fiedler. – Wien, 1862. 6. 108–113.
2. Мыльников, А.С. Вопросы изучения поздней рукописной книги: (проблематика и задачи) / А.С. Мыльников // Рукописная и печатная книга: сб. статей / Ред. коллегия: Т.Б. Князевская, Е.С. Лихтенштейн, А.И. Маркушевич, Е.Л. Немировский, А.А. Сидоров (предс.), Л.В. Тиганова. – М.: Наука, 1975. – С. 19–36.
3. Франциск Скарына: зб. дакументаў і матэрыялаў. – Мінск; Навука і тэхніка, 1988. – 341 с.
4. Брага, С. Доктар Скарына ў Маскве / С. Брага; прадм. Г. Сагановіча. – Менск: Навука і тэхніка, 1993. – 47 с.
5. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными: т. 1–10. – СПб, 1851–1871. – Т. 1.
6. Немировский, Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров / Е.Л. Немировский. – М.: Книга, 1964.
7. Немировский, Е.Л. Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя / Е.Л. Немировский. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – 597 с.
8. Иван Федоров первопечатник: сб. статей. – М.–Л., 1935.
9. Капцюг, А. Першадрукар Іван Фёдараву нарадзіўся на Вілейшчыне / А. Капцюг [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.rh.by/by/112/120/2844/>. – Дата доступу: 10.11.2015.
10. Запартыка, Г. Страчаныя скарбы манастырскіх бібліятэк / 480 год беларускага кнігадрукавання: Матэрыялы трэціх Скарынаўскіх чытаньняў / Г. Запартыка; Гал. рэд. А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – С. 198–205.
11. Гюго, В. Собрание сочинений: в 15 т. / В. Гюго. – М., 1953–1956. – Т. 2.